

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-161-187

С.М. Гаврилюк, Л.Г. Шепко

**ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И АРХИТЕКТУРА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ЗАРУБЕЖНОМ
АНТИКОВЕДЕНИИ НАЧАЛА XXI в.**

S.M. Gavrilyuk, L.G. Shepko

**URBAN SPACE AND ARCHITECTURE AS A HISTORICAL
SOURCE IN FOREIGN CLASSICAL STUDIES
AT THE EARLY 21st CENTURY**

Аннотация. К настоящему времени по истории города накоплен огромный материал, который вызывает всё больший интерес у археологов, историков, социологов, экономистов, культурологов. Особое внимание уделяется возникновению древних городов. В предлагаемой статье проанализированы англоязычные труды зарубежных авторов последних двух десятилетий, посвященные архитектуре и пространственному развитию поселений эллинов от гомеровской эпохи до конца эллинизма. Широта и многогранность темы обусловили включение в данный обзор работ, в которых ведущим является не региональный, а тематический подход. Имеющийся массив зарубежных исследований, посвященных археологически зафиксированным поселенческим структурам древних эллинов, позволяет выделить приоритетные направления. В указанный период (первые два десятилетия XXI в.) — это проблема начальных этапов оформления пространственной структуры древнегреческих общин. В рассмотренных работах пространство выступает как самостоятельный объект исследования. Археологически зафиксированные поселенческие структуры трактуются с позиций их социальной значимости. Исследовательские объекты — общественные постройки и пространства (храмы, некрополи, агора, домостроительство). Вместе с тем исследования имеют междисциплинарный характер, они выходят за пределы исторического и археологического анализа. В них

Гаврилюк Сергей Михайлович, независимый исследователь
Gavrilyuk Sergey Mikhailovich, Independent Scholar
ad.bestias@mail.ru

Шепко Лариса Георгиевна, доктор исторических наук, доцент кафедры
всемирной истории Донецкого государственного университета
Shepko Larisa Georgievna, Doctor in History, Associate Professor, Department of
World History, Faculty of History, Donetsk State University
ppakra@mail.ru

представлен ряд обобщений и выводов, которые приумножают знания об отдельных регионах или периодах истории. Исследования сосредоточены вокруг нескольких тем: урбанизация и политогенез, планиграфия и демография городов, взаимообусловленность оформления поселенческой структуры и социально-политического развития общины, пути развития городов, подходы к изучению городского территориального устройства. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что проблема организации пространства рассматривается в англоязычной историографии с позиций функциональности, характера занятий населения. Следует отметить достаточную степень самостоятельности и варибельности оформления социального пространства, постепенную его иерархизацию в зависимости от назначения объектов. Необходимо также подчеркнуть сохраняющуюся дискуссионность интерпретации поселенческих объектов (в силу своеобразия начальных этапов урбанистического процесса (критерии определения города), фрагментарности свидетельств, а также многообразия конкретно-исторических условий эллинского политогенеза).

Ключевые слова: греческий полис, поселенческая структура, развитие города, урбанистический процесс, архитектурно-пространственные типы, зарубежная историография.

Abstract. To date, a vast amount of material has been accumulated on the history of cities, which increasingly attracts the interest of archaeologists, historians, sociologists, economists, and cultural scientists. Special attention is paid to the emergence of ancient cities. This article analyzes English-language works by foreign authors from the past two decades, dedicated to the architecture and spatial development of Hellenic settlements from the Homeric era to the end of Hellenism. The breadth and complexity of the topic have necessitated the inclusion of works that employ a thematic rather than a regional approach. The extensive body of foreign research on archaeologically documented settlement structures of the ancient Hellenes allows for the identification of priority areas. During the period under review, the primary focus has been on the initial stages of the spatial structure formation of ancient Greek communities. In the reviewed works, space is treated as an independent object of study. Archaeologically documented settlement structures are interpreted from the standpoint of their social significance. The research objects include public buildings and spaces (temples, necropolises, the agora, domestic architecture). At the same time, these studies are interdisciplinary, extending beyond historical and archaeological analysis. They present a series of generalizations and conclusions that enhance knowledge about specific regions or historical periods. The research is concentrated around several themes: urbanization and genesis of a complex political system, city planigraphy and demography, interdependence of settlement structure formation and the socio-political development of the community, ways of urban development, and approaches to studying urban territorial organization. The obtained data allow for the conclusion that the issue of space organization is considered in English-language historiography from the perspectives of functionality and the nature of the population's activities. It is important to note the significant degree of independence and variability in the formation of social space, and its gradual hierarchization depending on the purpose of objects. It is also necessary to emphasize

the ongoing debate regarding the interpretation of settlement objects due to the peculiarities of the early stages of the urbanization process (criteria for defining a town), the fragmentary nature of evidence, and the diversity of specific historical conditions of Hellenic political genesis.

Keywords: Greek polis, settlement structure, urban development, urbanistic process, architectural and spatial types, foreign historiography.

* * *

Пространство, наряду со временем, выступает одной из основных категорий бытия. С древних времен люди не только приспособлялись к окружающему ландшафту, но и меняли его в соответствии со своими потребностями и возможностями. В сложноорганизованных обществах происходит обособление различных сфер жизни, которые воплощаются в социальном, политическом, культурном пространствах¹. Социальная неоднородность, различия в правах и интересах, взаимоотношения населения и власти отражаются и материализуются в организованной архитектурой среде.

Исторические формы пространственной организации разнообразны: от протогородов и дворцовых комплексов до современных мегаполисов. Наиболее распространенной из них стали города. В современном мире в них проживает более 50 % населения Земли. По расчетам ООН, в 2050 г. этот показатель составит порядка 70 %, что говорит о росте социо-коммуникативного значения городов². Историками давно дана оценка пространственного фактора в развитии городов. Анализ исторического пространства поселений привлекался при изучении социальных, культурных и ландшафтных проблем.

К настоящему времени накоплен огромный материал по истории города, который вызывает всё больший интерес у археологов, историков, социологов, экономистов, культурологов. Особое внимание уделяется возникновению древних городов.

Объектом исследования в данной статье выступает зарубежное антиковедение, предметом — работы, посвященные пространственной организации поселений Древней Греции от гомеровской эпохи до конца эллинизма. Целью авторов является анализ подходов в изучении архитектурного и пространственного развития поселенческих структур при реконструкции древнего общества.

В 1999–2019 гг. были опубликованы исследования ученых Европы, США и Канады, в которых рассматривалась поселенческая

¹ Hölscher T. Urban Spaces and Central Places. The Greek World // Classical Archaeology / S.E. Alcock, R. Osborne (Hg.). Oxford; Malden, 2007. P. 165.

² Более половины населения мира проживает в городах: Центр Новостей ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/desa/world-urbanization-prospects-2014> (дата обращения 12.07.2023).

структура в различных регионах эллинского мира — на Пелопоннесе, Крите, Сицилии, в Малой Азии — главным образом в период становления греческой цивилизации. Ключевой идеей в них выступает диалектическая связь городской среды и общественного развития, в частности, говорится, что созданное людьми поселенческое пространство обуславливало характер их обитания³. Поэтому данные о нем считаются информативным источником для решения вопросов становления полиса, особенностей частной и общественной жизни, состояния экономики и демографии.

Широта и многогранность темы обусловили включение в данный обзор работ, в которых ведущим является не региональный, а тематический подход. Интерес исследователей концентрируется главным образом вокруг шести проблем. При этом авторы опираются как на материалы отдельных древнегреческих поселений (Ф. Ленг, К. Доксиадос), так и на аналогичные данные из других регионов древнего мира (М. Смит, Л. Доннеллан).

Исторические интерпретации пространства исходят из его свойств. Пространство отражает метрические характеристики объекта: протяженность, величину, объем, пропорции, и морфологические: расположение, плотность, соподчиненность⁴. Городское пространство характеризуется также с позиций функционального предназначения — частное или общественное, бытовое или производственное, жилое или нежилое.

(1) Одна из наиболее разрабатываемых проблем — **взаимосвязь урбанизации и греческого политогенеза**. Основной формой политической организации в классической Греции стали полисы. Их образование было «симптомом внутренней консолидации и политического самоопределения той аморфной племенной общности», которая существовала ранее⁵. Трудности в разработке темы связаны, прежде всего, с полисемичностью понятия «полис». Лексико-семантические исследования древнегреческих текстов показали, что это содержание понятия со временем менялось. В VI–IV вв. до н.э. оно трансформировалось от значения общины, коллектива, укрепленного поселения, определенной организованной территории к близкому

³ Lang F. House — community — settlement: the new concept of living in Archaic Greece // British School at Athens Studies. Building communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond, Vol. 15. Athens, 2007. P. 189.

⁴ Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. Вып. 2 (57). С. 188.

⁵ Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004. С. 180.

современному понятию государства, а в IV в до н.э. ограничивалось понятием «город»⁶.

В периоды архаики и классики этот термин мог означать укрепленное место, город, хору, государство, использоваться как синоним экклесии или демоса и др. По мнению М. Хансена, все эти значения — вариации понятий город и государство⁷. Определение полиса как города-государства используют М. Кийв⁸, Ф. де Ангелис⁹, Т. Хельшер¹⁰ и др. Ближе к этому понимание полиса как города у М. Сакеллариу¹¹. Иной подход состоит в трактовке полиса как гражданской общины (М. Финли, К. Раафлауб, Х. Туманс). В качестве аргумента приводится то, что не все полисы имели городской центр или же они могли включать несколько городов. Кроме того, полисный статус мог отсутствовать у ряда городов¹². При этом историки указывают на условность наименования раннегреческих поселений городами из-за несоответствия ряду критериев. Считается, что поселения эллинов начинают обретать городской облик в конце VIII в до н.э., у большинства же соответствующие признаки появляются в VI в до н.э.¹³.

Вместе с тем, следует отметить, что признаки города — один из дискуссионных вопросов. В их числе называют: плотность населения, размер поселения, монументализацию, наличие общественной архитектуры, оборонительных стен. Знаком урбанистической структуры часто считают функциональное деление пространства на внешнее и внутреннее. Это проявляется в вынесении кладбищ

⁶ Шенко Л.Г. Смысловая нагрузка понятия «полис» в произведениях древних греков // Iseum. Сб. статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира / Отв. ред. и сост. С.В. Архипова, Л.Л. Селиванова. М., 2012. С. 27–29; Kōiv M. Urbanisation and political community in Early Greece // Alter Orient und Altes Testament. 390 (2). Münster, 2013. С. 151–156.

⁷ Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. New York, 2006. P. 56–61.

⁸ Kōiv M. Op. cit. P. 151.

⁹ Angelis F. Archaic and Classical Greek Sicily: A Social and Economic History. New York, 2016. P. 63.

¹⁰ Hōlscher T. Op. cit. P. 165–166.

¹¹ Сакеллариу М. Упадок и возрождение (1100–700 гг. до н.э.) // История человечества. Т. 2. III тысячелетие до н.э. — VII век до н.э. / Под ред. А.Х. Дани, Ж.-П. Моэн. М., 2003. С.165.

¹² Медовичев А.Е. Полис, демос и демократия в зарубежной историографии конца XX — начала XXI в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2019. С. 6; Hansen H. Op. cit. P. 59; Osborne R. Urban Sprawl: What is Urbanization and Why does it Matter? // Mediterranean Urbanization 800–600 BC. New York, 2005. P. 11.

¹³ Сакеллариу М. Указ соч. С. 167; Туманс Х. О месте города в системе полисных ценностей // Мнемон. Вып. 8. СПб., 2009. С. 22–23.

на окраины поселений, возведении городских фортификаций, разграничении частного и общественного, жилого и производственного пространств¹⁴. Другими словами, ученые ищут признаки упорядочивания пространства. Ф. де Полиньяк считает эти критерии условными, ведь архаические поселения могли состоять из нескольких обособленных частей, и непонятно, что считать их внутренней и внешней границей — общепоселенческую или районную. Также не всегда удается разграничить город и некрополь или город и сельскую местность. Полиньяк акцентирует внимание на создании общественных пространств, отношениях между поселениями и их окрестностями, роли обмена и торговли¹⁵.

Изучение ранних этапов урбанизации затрудняется фрагментарностью свидетельств, что приводит к проблеме методов исследования. В поисках ее решения археологи в 50–60-е годы XX в. стали определять схемы расселения в том числе и по скоплению керамики на местности. Этот метод остается востребованным, но приводит к разночтениям. Проблемы возникают и с интерпретацией некрополей: их относят то к отдельным группам жилищ, то к интегрированному поселению, то к различным социальным группам¹⁶.

В зарубежной науке можно выделить три основных подхода к теме взаимосвязи урбанизации и политогенеза: одни исследователи считают, что развитие гражданских (политических) общин предшествовало городам (И. Моррис, Э. Греко)¹⁷, другие выступают за взаимовлияние и синхронность данных процессов (М. Хансен, Р. Фицсаймонс, Т. Хёльшер, Ф. Лэнг)¹⁸, третьи не видят между ними решающей взаимосвязи (М. Кыйв, Р. Осборн, Л. Доннеллан)¹⁹. М. Кыйв по материалам раннего железного века приходит к выводу, что в ряде случаев политическое сообщество сформировалось

¹⁴ *Sardo P.L.* Verso il canone della Polis // *La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma, 1999; *Hölscher T.* Op. cit. P. 166.

¹⁵ *Polignac F.* Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // *Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. New York, 2005. P. 48, 54.

¹⁶ *Donnellan L.* Modeling the Rise of the City: Early Urban Networks in Southern Italy // *Frontiers in Digital Humanities Vol. 6*. 2019. P. 2.

¹⁷ *Morris I.* The growth of Greek cities in the first millennium BC // *Urbanism in the preindustrial world: cross-cultural approaches* / Ed. by G.R. Storey. Tuscaloosa, 2006. P. 27–52; *Greco E.* Introduzione // *La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma, 1999. P. VII–XV, 162–163.

¹⁸ *Hansen M.H.* Op. cit. P. 100; *Fitzsimons R.* Urbanization and the Emergence of the Greek Polis: The Case of Azoria // *Making Ancient Cities: Studies of the Production of Space in Early Urban Environments*, Cambridge, 2014. P. 220, 243. *Hölscher T.* Op. cit. P. 165; *Lang F.* Op. cit. P. 191.

¹⁹ *Köiv M.* Op. cit. P. 176; *Osborne R.* Op. cit. P. 2, 11; *Donnellan L.* Op. cit. P. 3.

раньше города, например, в Афинах, Аргосе, Коринфе, что говорит о незначительной роли урбанизации в греческом политогенезе²⁰. В числе признаков политических сообществ он, как и ряд других исследователей, приводит архитектурные данные о возведении храмов, святилищ, городских стен и пространственные — о появлении общепоселенческих некрополей²¹.

Р. Фицсаймонс в статье о поселениях Восточного Крита того же периода пришел к выводу, что городской ландшафт являлся эффективным средством создания, укрепления и визуализации новых социальных, политических, экономических отношений. Архитектура не только запечатлела социально-политические изменения, она выступала активным агентом при создании полиса²². Т. Хёльшер, рассматривая поселенческие структуры от архаики до эллинизма, пишет, что «гражданская жизнь формировала городское пространство, а городское пространство формировало гражданскую жизнь»²³.

Согласно Р. Осборну, «формирование городских сообществ не нуждается в “государстве” и не создает его»²⁴. Развитие городов он связывает с эффективной системой управления, при которой наиболее полно реализовывались социальные, экономические и политические возможности населения. Ученый убежден, что в Греции раннего железного века были альтернативы городской форме, но в начале VIII в. до н.э. стали доминировать относительно компактные, густонаселенные поселения — эта модель дала развитие городам²⁵.

Неоднозначность решения данной проблемы — взаимосвязи урбанизации и политогенеза — приводит к необходимости конкретизировать процесс возникновения собственно города.

(2) В зарубежной науке рассматриваются **два пути появления городов**: образование из nucleated settlement — ядрообразующих поселений (Флиунт) — или объединение нескольких близко расположенных жилых кластеров (Афины, Аргос, Коринф)²⁶. Например, в районе Азории в конце VII в. до н.э. структура расселения резко изменилась: небольшие поселения раннего железного века были частично или полностью оставлены жителями, которые переселились в городской центр. По мнению Р. Фицсаймонс, такие преобразования

²⁰ *Kōiv M.* Op. cit. P. 164.

²¹ *Kōiv M.* Op. cit. P. 159–161; *Hölscher T.* Op. cit. P. 166.

²² *Fitzsimons R.* Op. cit. P. 220–221.

²³ *Hölscher T.* Op. cit. P. 165.

²⁴ *Osborne R.* Op. cit. P. 2.

²⁵ *Ibid.* P. 9–11, 13.

²⁶ *Lang C.* Op. cit. P. 190.

отражают переход от родового общества к обществу новой социально-экономической организации с развитой торговлей, интеграцией города и сельской округи и пр.²⁷

Пространственное развитие городов на ранних этапах шло через постепенный рост за пределами ядра компактного поселения; по модели города, который малонаселен, но с самого начала занимает всю городскую территорию и имеет четко определенный центр — место классической агоры; существование одновременно нескольких районов со своими центрами.

В Фасосе VII в до н.э. было два таких района. Ф. де Полиньяк предположил, что в этом случае разные по происхождению и статусу группы, проживавшие в колонии, не сразу образовали «единый, однородный корпоративный социальный и гражданский орган»²⁸. Л. Доннеллан полагал, что незначительное расстояние между поселениями еще до их объединения и централизации предполагало существование договоренности об использовании пространства. Таким образом, на ранних этапах урбанизации возникает потребность в управленческом потенциале власти²⁹.

Сложноорганизованные сообщества структурировали свои территории в зависимости от особенностей социально-политического развития. Ф. Лэнг обобщила информацию об этом процессе. Согласно ее исследованию, в X–VIII вв. до н.э. общины из нескольких семейных групп, возможно, возглавляемые лидером, образовывали небольшие разрозненные поселения без общественного центра и четкой структуры, с рассредоточенными или агломерированными домами. С конца VIII в. до н.э., в связи с изменением форм брака и распадом большой семьи, увеличилась плотность населения и размеры поселений. В это время образуются общие для нескольких поселений некрополи — мир живых отделяется от мира мертвых. В VII в. до н.э. возникли более структурированные поселения со стремящейся к прямолинейности планировкой и четким делением на функциональные зоны (одно из первых — Врулия на Родосе). В уже существующих поселениях эти принципы применялись при новом строительстве, во многих колониях — изначально. Такие территориальные трансформации произошли со становлением институтов власти, ее перераспределением, усилением социальной дифференциации³⁰.

²⁷ *Fitzsimons R.* Op. cit. P. 220, 231.

²⁸ *Polignac F.* Op. cit. P. 58.

²⁹ *Donnellan L.* Op. cit. P. 2.

³⁰ *Lang F.* Op. cit. P. 183–185.

Городское планирование позволяло более рационально использовать пространство при растущем числе жителей, разграничить и структурировать сообщество³¹. Исследование Н. Кэхилла зафиксировало подобные идеи в трудах Гипподама, Платона и Аристотеля об идеальном полисе. Античные авторы напрямую связывали физическую структуру городского центра с социальной и политической организацией. Предложенные ими идеи устройства поселений направлены на недопущение конфликтов на этнической почве или между жителями с разным достатком³².

(3) Одним из наиболее обсуждаемых в науке элементов античного градостроительства являются **общественные постройки и пространства** (храмы, некрополи, агора и др.). Их трактуют как один из признаков зарождения города и гражданской общины³³. В период раннего железного века к таким объектам относят культовые места. Храмы и святилища — единственные идентифицированные общественные строения того времени. С конца архаического и в последующие периоды главным, но не единственным общественным полифункциональным пространством стала агора — место общественных собраний, центр обмена и торговли³⁴. Только в нескольких ранних городах обнаружены экклесиастерии — места народных собраний³⁵. Ф. де Полиньяк отмечает, что в некоторых раннеархаических городах могло быть несколько таких пространств, и не всегда возможно определить, которое из них являлось главным и единственным гражданским центром³⁶. Такое предположение связано с плохой археологической видимостью подобных мест в указанный период.

Со временем функции агоры перераспределялись на новую площадь или воплощались в новых типах строений (театр, бульвартерий, гимнасий, ипподром и пр.)³⁷. Это отражало и способствовало дальнейшему обособлению различных сфер жизни: религии, политики, экономики, культуры, спорта, образования³⁸.

Дискуссионным остается вопрос о том, когда и как именно менялись функции агоры. Одни исследователи считают, что в период

³¹ Lang F. Op. cit. P. 192; Angelis F. Op. cit. P. 85.

³² Cahill N. Household and City Organization at Olynthus. New Haven, 2002. P. 7.

³³ Hölscher T. Op. cit. P. 165, 168.

³⁴ Андреев Ю.В. Указ. соч., С. 159, 193–194.

³⁵ Hansen M. H. Op. cit. P. 103.

³⁶ Polignac F. Op. cit. P. 55.

³⁷ Dickenson C.P. Chapter Two. Kings, cities and marketplaces — negotiating power through public space in the Hellenistic world // Public Space in the Post-Classical City / Eds C.P. Dickenson and O.M. van Nijf. Leuven, 2013.

³⁸ Hölscher T. Op. cit. P. 165; Lang F. Op. cit. P. 190–191.

эллинизма она перестала выполнять функции рынка, другие — что еще с классического периода предназначалась исключительно для торговли, а общественные собрания и политическая жизнь переместились в другие места³⁹. Подробно эти изменения в VIII–I в. до н.э. проследил Т. Хёльшер. Согласно его исследованию, архаическая агора предназначалась для общественных собраний и отправления культа главного божества. Также там могли проходить спортивные игры, торговля и другие общественные мероприятия. С развитием демократии в классический период возросла политическая функция агоры, что отразилось в новых постройках и памятниках. В позднеклассические и эллинистические времена агора всё больше становилась местом коллективной памяти и идентичности. Это была, в первую очередь, светская зона гражданских отношений и торговли⁴⁰.

Э. Греко и М. Осанна разработали версию о сосуществовании в Афинах нескольких агор, каждая из которых была связана с группой доминирующих семей, их политическими практиками и культами, которым они покровительствовали. Исследователи приходят к выводу, что организация афинского городского пространства вплоть до V в. до н.э. была ближе к республиканскому Риму, чем к канону идеального греческого города⁴¹.

Значение агоры в эллинистический период исследовал К. Диккенсон. Ее архитектурное оформление разграничивало или же объединяло людей. Например, на агору Пеллы можно было попасть через два входа, у одного из них были небольшие комнаты, которые ученые интерпретировали как караульные помещения для проверки товаров у торговцев. Контроль входа, как считает К. Диккенсон, вызывает разногласия в обществе, разделяя людей на две группы — контролеры и контролируемые. Ограничение доступа почти всегда является политическим вопросом⁴².

Агора становится средством визуализации и укрепления власти: забота о ее обустройстве подчеркивала статус правителей. Они часто финансировали строительство стои, ожидая взамен лояльность полиса. Политический подтекст подобных благодеяний подтверждает то, что полисы не всегда принимали их. Эфес отклонил предложение Александра восстановить храм Артемиды, так как он хотел зафиксировать на здании свое имя⁴³. Агора и дворец правите-

³⁹ Dickenson Op. cit. P. 3; Hansen M.H. Op. cit. P. 103–104.

⁴⁰ Hölscher T. Op. cit. P. 168–178.

⁴¹ Greco E., Osanna M. *Atene // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma, 1999. P. 170–175.

⁴² Dickenson C.P. Op. cit. P. 10.

⁴³ Ibid. P. 15–20.

ля часто находились рядом. С одной стороны, такое соседство наглядно демонстрировало реальность власти правителя для горожан, с другой — было уступкой народу, ведь подразумевало определенное равенство между этими объектами⁴⁴.

(4) Другим важным элементом планирования выступало **функциональное зонирование территории**. Оно происходило уже при основании поселения, о чем, в частности, свидетельствует постройка городских стен на заранее отведенных местах, расположение некрополей за будущими стенами и т.д.⁴⁵

Первопоселенцы также определяли участки жилой застройки, религиозных и общественных мест, производственных зон⁴⁶. Следуя этим выводам, Г. Цухтригель предположил, что отсутствие в Гераклее (колонии на юге Италии, основанной во второй половине V в. до н.э.) отдельного ремесленного квартала и появление в середине IV в. до н.э. рассредоточенных по поселению гончарных мастерских свидетельствует, что некоторые колонисты, которые изначально были земледельцами, отказались от сельского хозяйства и освоили ремесла⁴⁷.

(5) Среди ученых распространено разделение городов по принципу **ортогонального устройства** — на спланированные и сложившиеся ситуативно или с беспорядочной застройкой. М. Смит указывает на упрощенность такого подхода. Он считает, что можно установить степень планировки по ряду критериев, в их числе: координация зданий между собой, их соотношение с ландшафтом, стандартизация городских архитектурных форм и др. Автор изучает древние города через теорию взаимовлияния архитектуры, окружающей среды и культуры польского архитектора А. Рапорта. С ее помощью можно установить, каким космологическим идеям следовали зодчие, как архитектура отражает идентичность, статус и власть, влияние искусственной среды на поведение человека⁴⁸.

Регулярная планировочная система считается наиболее информативной для исторических реконструкций. Наилучшие условия для ее развития ученые видят в колониях, где «недавно заселенные районы представляли собой идеальную местность для экспериментов»⁴⁹.

⁴⁴ Ibid. P. 11–12.

⁴⁵ *Angelis F.* Op. cit. P. 76, 99.

⁴⁶ *Lang F.* Op. cit. P. 98; *Angelis F.* Op. cit. P. 83–85, 89, 92.

⁴⁷ *Zuchtriegel G.* Colonisation and hybridity in Herakleia and its hinterland (southern Italy), 5th–3rd centuries BC // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité.* 128–1. 2016. P. 11.

⁴⁸ *Smith M.E.* Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // *Journal of planning history.* 2007. 6 (1). P. 34–36.

⁴⁹ *Sardo P. L.* Verso il canone della Polis // *La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane.* Roma, 1999. P. 84–85.

Новые территории обустроивались в соответствии с идеями эгалитарного общества⁵⁰. Одни из самых ранних примеров регулярного плана обнаружены в Метапонте, Мегарах Гиблейских, Смирне. Система начала формироваться в VIII–VII в. до н.э., наиболее полно воплотилась в классический период в гипподамовом плане, при котором улицы пересекаются под прямым углом, образуя равные по площади кварталы. Исследователи отмечают, что такая планировка свидетельствует о высоком уровне организации общества и достаточно сильной власти, стремившейся регулировать жизнь населения. Значительную роль в централизации и обустройстве городов сыграли тираны за счет успехов в аккумуляции сил для крупных строительных проектов⁵¹. Однако крупное строительство шло и при демократических режимах, свой вклад вносила также аристократия⁵². Д. Скотт отметил, что связь между сильным государством и равномерно распределенным городом очевидна. Но отсутствие ортогонального плана не исключало жесткого политического контроля⁵³.

Одной из основных проблем исторических реконструкций на основе территориального планирования выступает несовпадение географического, социального и ритуального пространств. Например, в сакральном пространстве высокое и низкое, правое и левое, восток и запад имеют свои значения, тогда как в геометрическом пространстве эти же отношения определяются только симметрией, обратимостью и расстоянием. Это означает, что нельзя понять социальные процессы исключительно через геометрию пространств⁵⁴.

Дискуссионным остается вопрос о перспективе планирования поселения, т.е. как и когда осуществлялось планирование, в какой мере территория города была спланирована наперед с момента зарождения, а в какой мере она складывалась ситуативно — по ходу освоения. Воля человека или природная среда были решающим фактором в структурировании поселений?⁵⁵ Ф. Лэнг считает, что планировочные решения были сознательным выбором общества, так как в один исторический период при схожем ландшафте устрой-

⁵⁰ Hölscher T. Op. cit. P. 167.

⁵¹ Lang F. Op. cit. P. 190; Greco E. Introduzione // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane. Roma, 1999. P. 165.

⁵² Angelis F. Op. cit. P. 133; Hölscher T. Op. cit. P. 175.

⁵³ Smith M.E. Op. cit. P. 21.

⁵⁴ Sardo P. L. Op. cit. P. 86.

⁵⁵ Ibid. P. 87; Макарова Е.Е. Метапонт — классический образец урбанистической организации полиса // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ч. II. Ярославль, 2010. С. 9.

ство греческих поселений различно. В Эмпорио дома возведены на расстоянии друг от друга, хотя топография позволяла строить их агломерациями. Рельеф Загоры позволял строить отдельно стоящие дома, но они были агломерированы⁵⁶. Эти примеры показывают вторичность природного фактора. Э. Греко отмечает, что городское планирование было частью полисного, поэтому его нужно рассматривать в совокупности с устройством хоры⁵⁷.

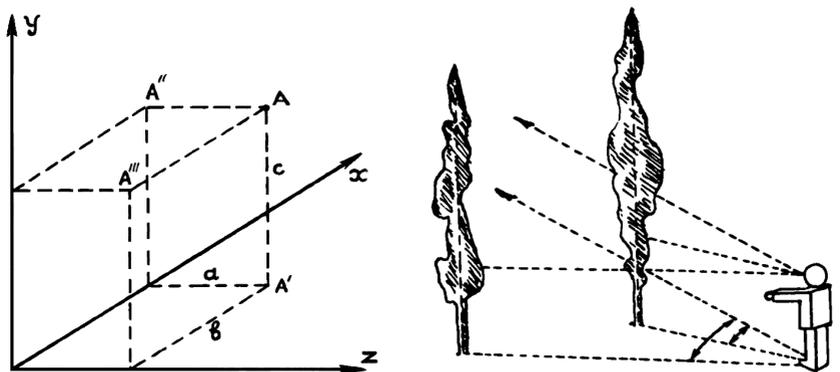

Рис. 1. Декартова и полярная система координат

Ключем к пониманию планировочной структуры могут стать **древние методы планирования и метрические системы**. По мнению известного греческого архитектора К. Доксиадиса, они были общими для греческого мира. Этот тезис он пытался доказать еще в 1930-е гг. Доксиадис изучил планировку общественных и сакральных мест Греции VII–I вв. до н.э. через призму полярной системы координат. В ней каждая точка на плоскости определяется двумя числами — полярным углом и полярным радиусом (в современном градостроительстве применяется прямоугольная или декартова система координат) (рис. 1). Античные зодчие планировали такие места с одной точки обзора — главного входа, который часто подчеркивался пропилонем. По наблюдениям Доксиадиса, вошедший человек видел важные здания целиком или не видел вовсе, но никогда они не были видны частично; один из углов перспективы был без зданий с видом на окружающую местность, указывая «священный путь», по которому должен следовать человек, при приближении к сакральному месту; обычно этот угол был ориентирован на восток или на запад; здания располагались в единой композиции с окружа-

⁵⁶ Lang F. Op. cit. P. 189.

⁵⁷ Greco E. Op. cit. P. XI–XIII.

ющим ландшафтом. Древние зодчие проводили свои исчисления с помощью двенадцатиричной и десятичной систем (рис. 2, 3). Первая была более характерна при проектировке зданий дорического стиля, вторая — ионического⁵⁸.

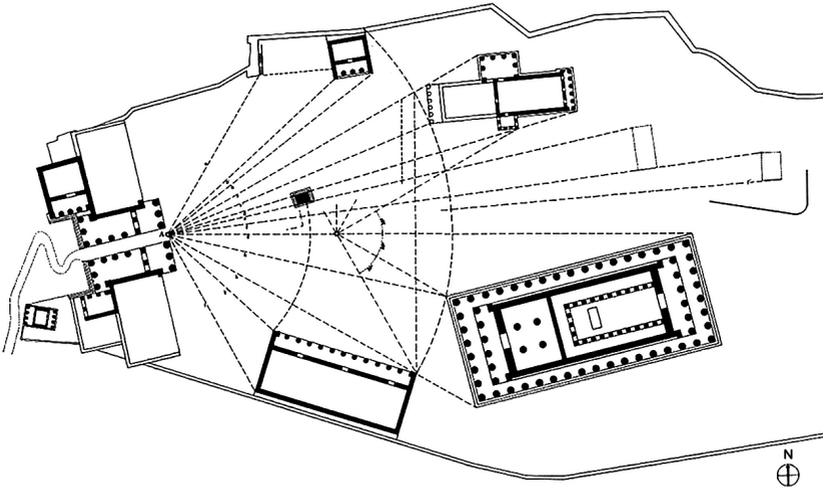

Рис. 2. Планировка афинского акрополя после 450 г. до н.э.

Рис. 3. Воссоздание вида, который открывался от входа на акрополь через пропилеи (по Доксиадису, 1964)

П. Сардо выделил пять ключевых вех городского планирования с конца VIII до второй половины V в. до н.э., которые отражают развитие античных знаний о круге, пропорциях и симметрии. От

⁵⁸ Doxiadis C.A. Architectural Space in Ancient Greece. Cambridge; London, 1972. P. 3, 5-6.

первых системных планов города в Мегарах Гиблейских до устройства афинской колонии Фурии на основе строгого канона, поиска симметрии и пропорциональной связи отдельных частей с целым (табл. 1). Также прослеживается связь планировки с изменениями восприятия пространства⁵⁹.

Таблица 1

Основные нововведения в городском планировании греческих городов с VIII до V в. до н.э. (по П. Сардо, 1999)

Поселение, время	Знания, умения	Пространство и общество	Особенности планировки
Мегары Гиблейские , конец VIII в. до н.э.	понятия однородного пространства, параллельных осей, шкалы измерения	неоднородность сакрального и городского пространств	для жителей отведены примерно равные участки, четко определено пространство агоры
Метапонт , середина VI в. до н.э.	выраженная способность к абстракции	стремление к однородности сакрального и городского пространств	ортогональный план с широкими улицами, ограничивающими агору; деление на кварталы; ориентация храмов по городским осям
Пестум , конец VI в. до н.э.	понятие центра	разграничение политического и священного пространств	три общественных пространства: святилища на юге и севере города, агора между ними
Афины , VI–V в. до н.э.	понятие центра и круга	перенос центра полиса с религиозного в географический, где был общественный и политический центр	к середине VI в. до н.э. центр Афин сместился от акрополя к агоре Керамика; ранее город был организован по логике сакрального, после — геометрического пространства
Фурии , 444 г. до н.э.	теория пропорций, связанная с квадратурой круга, симметрия	формирование в музыке, скульптуре, архитектуре греческого канона в середине V в. до н.э.	примерно квадратная форма города, прямоугольные городские кварталы, образованные городскими осями

⁵⁹ Sardo P.L. Op. cit. P. 85–95.

Рис 4. Здание I–O–N во Вронде (XII–XI вв. до н.э.)

Пространственное планирование реализовывалось на различных уровнях: полисом (полисный центр и хора), поселенческом (город, деревня, усадьба), домашнем (Ф. Лэнг, Э. Греко, Р. Фицсаймонс). **Планировка домов традиционно выступает источником по истории семьи.** Р. Фицсаймонс пишет, что, судя по доархаическим жилищам, основой критского общества была *aikas*, состоящая из нескольких родственных нуклеарных семей, включавших не менее трех поколений родственников и других домочадцев. Например, дом I–O–N в поселении Вронда включал дюжину комнат, которые пристраивались к первоначальному помещению на протяжении нескольких поколений (рис. 4). Распределение очагов и стандартных наборов артефактов указывают на наличие нескольких жилых единиц, каждую из которых занимала отдельная семья. В архаическом поселении Азория дома не расширялись на протяжении жизни 5–6 поколений (рис. 5). Кроме того, дома там располагались более разрозненно, а не семейными кластерами, как во Вронде, что

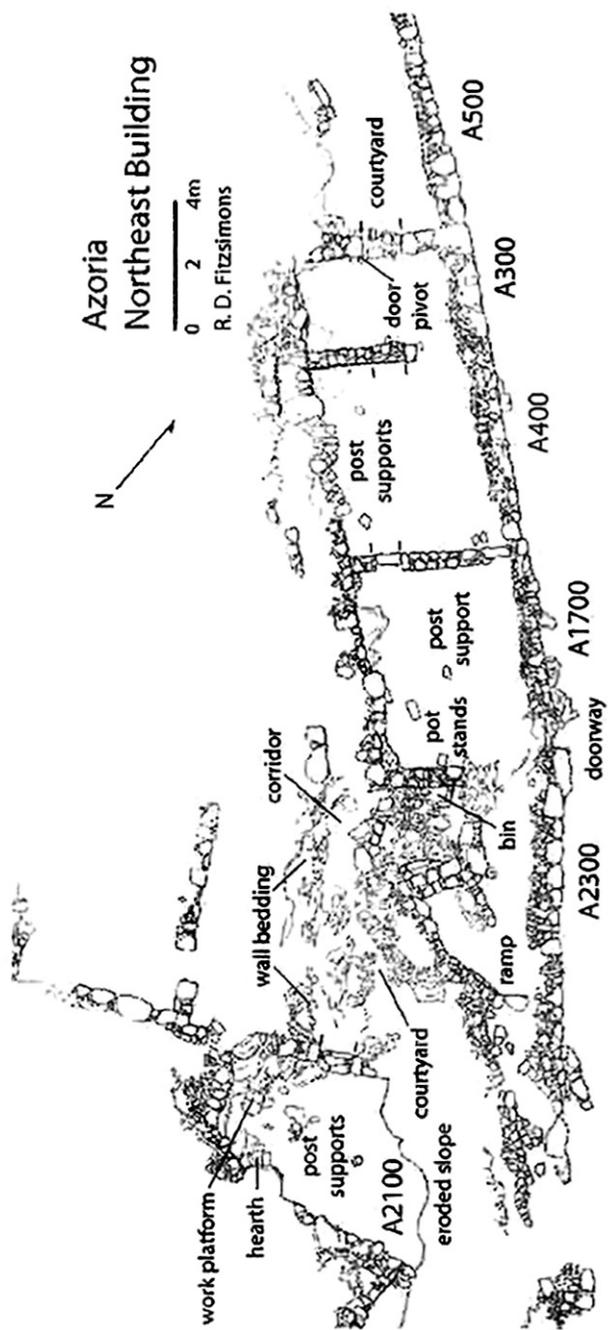

Рис 5. Дом в Азории (конец VII — начало VI вв. до н.э.)

может свидетельствовать о более независимом положении семьи. По заключению автора, «то, что произошло с урбанизацией ландшафта в VII и VI вв. до н.э., было не столько изменением внутренней природы отдельной семьи, сколько изменением ее положения в социально–политической ткани общества в новой городской среде». В новом обществе ведущими были факторы власти и престижа, а не родственные отношения.

С архаического периода дом стал одним из показателей благосостояния и статуса семьи. Если во Вронде XII–XI вв. практиковалась семейные трапезы, то в жилищах Азории VII–VI вв. до н.э. акцент сделан на главном зале, где устраивались общественные обеды (совместные трапезы, сисситии, пиршества), которые были способом участия в общинной жизни⁶⁰.

Исследование архаических поселений Сицилии привело Ф. Ангелиса к выводу о том, что близкое расположение домов не является убедительным доказательством родственных взаимосвязей. Он отмечает существование как расширенной семьи, так и более сложных родственных групп. Речь идет о кланах, патриях и союзах семейных групп. Он прослеживает это по родовым культам, архитектурными маркерами которых служат круговые платформы, обнаруженные в жилых кварталах Мегар Гиблейских и Селинунта и интерпретированные как ритуальные зоны для нескольких домохозяйств, а также небольшой храм в первом из названных полисов, расположенный в жилом районе⁶¹.

Появление в VIII в. до н.э. новых типов жилых домов с группировкой помещений по периметру вокруг двора автономными, не проходными комнатами, более четким функциональным делением, а также новыми пространствами для коммуникации (рис. 6), по мнению Ф. Лэнга, свидетельствует об изменении структуры родства⁶². Кроме того, жизнь семьи стала более приватной за счет появления внутреннего двора. Ведь если раньше люди занимались домашними делами на улице, то теперь семейное пространство было ограждено от посторонних. Это отразилось и на городском пейзаже — выделяется общественное и частное пространства, что, по мнению исследователя, отражает «новую идеологию замкнутой семьи, а также общества, открытого только для меньшинства»⁶³. Подобная тенденция прослеживаются и на Сицилии, где пастадные дома появляются

⁶⁰ *Fitzsimons R.* Op. cit. P. 229–232.

⁶¹ *Angelis F.* Op. cit. P. 137–140.

⁶² *Lang F.* Op. cit. P. 188.

⁶³ *Ibid.* P. 191.

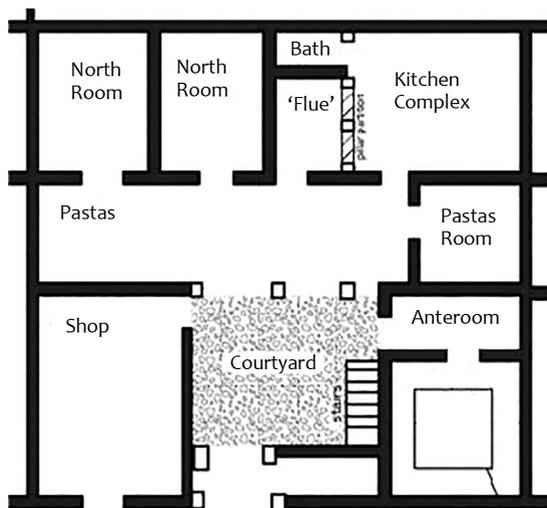

Рис. 6. Тип дома “pastas house” (пастадный дом), план дома в Олинфе V–IV вв. до н.э.

в VII–VI вв. до н.э. За постройкой наиболее выдающихся по убранству домов этого типа стояла элита, что говорит о социальной дифференциации общества⁶⁴.

На принадлежность хозяев к различным социальным группам может указывать не только тип дома, но и его размер. Например, в сицилийской колонии Гимеры, которая топографически была разделена на две части, в верхнем городе отведенные под застройку жилья участки были больше, чем в нижнем городе, иногда вдвое. По предположению Ф. Ангелиса, верхний город был местом жительства элиты, нижний — торговцев и мелких фермеров⁶⁵.

(6) К археологии поселений обращаются и как источнику по **демографии**⁶⁶. Это направление получило развитие в 80–90-е гг. XX в. на фоне выводов ученых о том, что некрополи, которые ранее считались приоритетным источником для оценки народонаселения, не достоверно отражают его численность⁶⁷. Фундаментальные исследования античной демографии провели И. Моррис и М.Г. Хансен. Моррис определил три точки роста греческих городов: конец VIII в., V в.,

⁶⁴ Lang F. Op. cit. P. 87–88.

⁶⁵ Angelis F. Op. cit. P. 86.

⁶⁶ Nevett L. et al. Constructing the Urban Profile of an Ancient Greek City: Evidence from the Olynthos Project // The Annual of the British School at Athens. Vol. 115. 2020. P. 350–355.

⁶⁷ Morris I. Op. cit. P. 36–37.

конец IV–III вв. до н.э. В это время число жителей городов выросло примерно от тысячи человек в начале тысячелетия до полумиллиона в некоторых из них в конце. Однако типичный греческий город был немногочисленным. Например, в классический период города насчитывали всего 1–2 тыс. жителей, а их площадь составляла несколько сотен квадратных метров. Главным фактором роста городов автор определяет способность власти контролировать и коммуницировать материальные и человеческие ресурсы⁶⁸.

Наряду с письменными источниками И. Моррис привлек данные о площади поселений, материалы некрополей и домостроительства. Из-за плохой сохранности жилья для ранних периодов учитывались также зоны распределения керамики поселенческого типа, колодцы. Среди проблем, с которыми столкнулся исследователь, стала невозможность зачастую точно установить границы поселений, несоответствие письменных источников историческим реалиям, разрушение ранних слоев более поздней застройкой, низкая археологическая видимость детских и подростковых погребений до VIII в. до н.э., что объясняется неравным доступом отдельных групп населения к формальным кладбищам. И. Моррис характеризует оценку населения древних городов как «непроверяемые расчеты, позволяющие охватить всё население, но, по крайней мере, установить порядок величины»⁶⁹.

М. Хансен пришел к выводу, что в IV в. до н.э. более 80 % городов имели население более 1 тыс. человек, а по меньшей мере 10 % насчитывали более 10 тыс. жителей каждый. Общее число жителей исследованных им греческих поселений во второй половине IV в. до н.э. достигало порядка 7 млн. Оценка численности и плотности населения основывалась на данных о заселенной территории греческих поселений. Источниковедческая база включила более 1 тыс. поселений от архаики до эллинизма. Более точные и обоснованные данные получены для городов с ортогональной планировкой, где прослежены кварталы с определенным количеством домов. В своих вычислениях М. Хансен руководствовался численностью греческого домохозяйства (ойкоса) в 5–6 человек⁷⁰.

Исследователь также выявил закономерность расселения людей в пределах города и на хоре. Для классического периода степень урбанизации была обратно пропорциональна размеру полиса: чем меньше полис, тем больше людей жили в городе, а чем больше полис,

⁶⁸ *Morris I.* Op. cit. P. 27, 41.

⁶⁹ *Ibid.* P. 34, 40.

⁷⁰ *Hansen M. H.* Op. cit. P. 80–55, 75.

тем больше его жителей жили на хоре. В период эллинизма деревни стали более обычным явлением. Согласно его выводам, городское население составляло около 2/3 от общего числа жителей в малых полисах, площадь которых не превышала 200 км², половина — в средних, площадью 200–500 км², одна треть — в больших полисах, более 500 км² по площади⁷¹.

Среди основных трудностей Хансен назвал невозможность в ряде случаев определить границы города, ведь обнаруженные стены часто окружали только акрополь, а не всю городскую территорию, а там, где они опоясывали весь город, территория внутри могла быть заселена лишь частично.

В зарубежной науке большое внимание уделяется демографии и урбанизации как индикаторам роста экономики либо ее ведущих факторов⁷².

Вопросы экономики античного города современные историки продолжают рассматривать сквозь призму социологической теории М. Вебера, разработанной в первой четверти XX в. В труде «Город» ученый дал определение данному явлению, описал его признаки. В социо-экономическом измерении город — это поселение, где жители покупают большинство необходимых им товаров на местном рынке; на рынке представлена продукция, преимущественно произведенная местным населением; *основная часть жителей* занята в сфере ремесла и торговли, а не в сельском хозяйстве; развит регулярный товарообмен, обеспечивающий горожанам значительную часть доходов. В работе выделены различные типы города, среди них — потребитель, производитель, торговый город, город сельскохозяйственного типа, которые различаются по характеру производства и распределения прибыли⁷³.

Часть антиковедов полагает, что греческие города относились к первому типу (А. Зёдерхук, Ф. Ангелис, И. Моррис). Г. Хансен отмечает, что отличия города-потребителя от производителя Вебер перенял от В. Зомбарта, который применил свою модель к городам средневековья и современности. Он считает, что типичный полис не был городом-потребителем. По мнению К. Влассопулоса, дискуссия о полисе как городе-потребителе — следствие старого курса, целью которого было проследить становление капитализма.

⁷¹ Hansen M. H. Op. cit. P. 71, 80.

⁷² Гаврилюк Н.А. К истории экономики Ольвии — историография проблемы // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1 (14). С. 400.

⁷³ Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; под ред. И. Гревса; комм. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М., 2001. С. 335–341.

Поэтому изучение античности с помощью концепции Вебера несостоятельно. Влассопулос предлагает изучать экономику полиса через взаимодействие города с хорой⁷⁴.

Выводы

Современные исследователи продолжают историографическую традицию прошлых десятилетий в тематике и методологии исследований. Они обращаются к уже сформировавшимся в XX в. концепциям: типологии городов М. Вебера (первая четверть XX в.), теории искусственной среды А. Рапопорта (1980-е гг.), модели роста городов Р. Флетчера, основанной на расчете пределов взаимодействия и коммуникации населения (1990-е гг.) и др.

Переосмысление взаимосвязи урбанизации и политогенеза началось в 1970-е гг., когда М. Финли обратил внимание на то, что многие полисы не отвечают критериям города. До этого существование городского центра обычно рассматривалось как признак полиса, а формирование полиса считалось неотделимым от возникновения городов в Греции⁷⁵. Основное противоречие этого исследовательского направления состоит в определении материальных признаков города и полиса. Часть исследователей разделяет критерии полиса и города, что приводит к выводам о слабой взаимосвязи урбанизации и политогенеза или ее отсутствию.

Другие признают в этом качестве одни и те же свидетельства: появление городских стен, святилищ и храмов, зонирование территории, и заявляют о синхронности и взаимовлиянии развития городов и греческого политогенеза. По сути, указанные археологические данные говорят о наличии некой организующей силы, ее характер по-разному интерпретируется учеными.

Спорным остается содержание термина «урбанизация». В материальном смысле урбанизация преимущественно трактуется как процесс концентрации населения, вызванный необходимостью защиты, развитием обмена, торговли и другими факторами. Отмечается существование различных уровней урбанизации. Неоднозначно решается вопрос о ее начале. Иногда его относят к XI–X, VIII или VI в. до н.э.⁷⁶ Учитывая существующие точки зрения, город можно определить как форму организации людей на архитектурно упорядоченной территории с выраженной полифункциональной деятельностью.

⁷⁴ *Vlassopoulos K.* *Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism.* Cambridge; New York, 2007. P. 123–124.

⁷⁵ *Κόϊν Μ.* *Op. cit.* P. 152.

⁷⁶ *Donnellan L.* *Op. cit.* P. 2.

Всё же проблемой для историков остается выбор «исследовательского фокуса»: поиск универсальных признаков города и полиса сводит их к абстракции, при которой они лишаются конкретных черт. В этой ситуации исследователи пытаются выделить различные типы данных феноменов или дать их хронологически-региональную градацию.

Еще одной проблемой и в то же время возможностью для исторических реконструкций является историческая многослойность архитектурно-пространственных данных. Эта особенность отмечена Ю.М. Лотманом. Городская среда формировалась под влиянием социально-политического устройства, экономических и научных-технических возможностей, особенностей мировоззрения. В основном, это были опосредованные факторы влияния. Заслуживают внимания такие условия формирования города, как бытовой «здоровый смысл» и ландшафтно-климатические данные. Городская среда — это гетерогенная система, которая в представлении людей того времени функционировала как нечто единое⁷⁷.

Экономика античного города преимущественно рассматривается через модель Вебера. Активная дискуссия по этому поводу началась только в конце 70-х — 80-е годы XX в. Сейчас полемика продолжается, представлены полярные точки зрения: ряд историков видят соответствие античных городов веберовским типам, другие считают, что данная модель не применима или не вполне применима к периоду античности.

Современные антиковеды сделали ряд обобщений и выводов, которые приумножают знания об отдельных регионах или периодах истории и теоретизации истории. У. Талер предложил совместить подходы А. Рапопорта и идеи С. Брэнда для пространственного анализа дворцовой архитектуры Пилоса. М. Смит вывел систему оценки степени планирования древних городов, в которой ортогональность является одним из многих критериев. Такой подход меняет оценку усилий по пространственному обустройству древних поселений. Исследования И. Морриса и М. Хансена не только внесли вклад в исследования демографии Эллады, но представляют интерес с точки зрения методики оценки площади поселений, установления их границ, подсчета количества жителей. К. Влассопулос дал классификацию полисов по характеру взаимоотношения центра и подчиненных районов с точки зрения экономических отношений, использования социальных и материальных ресурсов.

⁷⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 296–297.

Рассмотренные исследования отличает междисциплинарный подход, они выходят за пределы исторического и археологического анализа. В них также используются методы географии, архитектуры, социологии и других наук (например, работы И. Морриса, М. Смита, У. Талера и др.). При этом исследователи нередко пытаются адаптировать к античности методы и подходы, применяемые к исследованию современных городов (например, Л. Доннеллан — модель социальных сетей, разработанную для южных штатов США).

Особый интерес в этом плане представляет работа К. Доксиадиса, который представил взгляд архитектора на древнегреческое градостроительство. Кроме основных принципов планирования, он попытался найти взаимосвязь градостроительства с античным естествознанием, религиозными взглядами. Его опыт визуализации перекликается с современными попытками воссоздать облик древних городов с помощью GIS-программирования (программы позволяют работать с наборами пространственной информации на компьютере).

Таким образом, в зарубежном антиковедении последних двух десятилетий сформировалось отношение к городскому пространству как самостоятельному объекту исследования. Методологический инструментарий достаточно широк — от методов атрибуции памятников, топографии и картографирования, пространственного анализа до расчетов численности жителей древних поселений. Город выступает определяющим фоном и фактором существования человека. Организованное пространство детерминировало происходящие в городе процессы, образ жизни и поведение людей. Оно многомерно, иерархично, по-разному воплощается на уровне домов, монументальных строений, общественных мест, поселений и регионов. Рассмотренные работы демонстрируют высокий информационный потенциал пространственного подхода к городу. Архитектурно-пространственные данные — достаточно емкий источник для исторических реконструкций.

Наиболее активно изучаются ранние этапы урбанизации, пути появления городов, механизмы и закономерности их структурирования в период классики и эллинизма, роль архитектуры в визуализации власти. Кроме того, достаточно продуктивными оказались результаты исследования семьи и демографии в древнем обществе.

References

- Andreev Yu.V. *Gomerovskoye obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n.e.* [Homeric Society. Main Trends in the Socio-Economic and Political Development of Greece from the 11th to the 8th Centuries B.C.]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004. 496 p.
- Angelis F. *Archaic and Classical Greek Sicily: A Social and Economic History*. New York: Oxford University Press, 2016. 437 p.
- Cahill N. *Household and City Organization at Olynthus*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2002. 400 p.
- Dickenson C.P. *Chapter Two. Kings, Cities and Marketplaces — Negotiating Power through Public Space in the Hellenistic World // Public Space in the Post-Classical City*. Proceedings of a One Day Colloquium Held at Fransum, 23rd July 2007 / Eds. C.P. Dickenson and O.M. van Nijf. Leuven: Peeters, 2013. P. 37–75.
- Donnellan L. *Modeling the Rise of the City: Early Urban Networks in Southern Italy // Frontiers in Digital Humanities*. 2019. Vol. 6. P. 1–19.
- Doxiadis C.A. *Architect and Urban Planner // Ekistics*. 1964. November. Vol. 18. N 108. P. 346–364.
- Doxiadis C.A. *Architectural Space in Ancient Greece*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press, 1972. 184 p.
- Driessen J. *Patterns of Urban Societies // Alter Orient und Altes Testament*. Band 390 (2). Münster: Ugarit-Verlag, 2013. P. XI–XII.
- Fenomen polisa v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii: referativnyy sbornik* [The Phenomenon of the Polis in Modern Foreign Historiography: An Abstract Collection] / Ed. by A.E. Medovichev. Moscow: INION RAN, 2011. 152 p.
- Fitzsimons R. *Urbanization and the Emergence of the Greek Polis: The Case of Azoria // Making Ancient Cities: Studies of the Production of Space in Early Urban Environments*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 288–338.
- Gavrilyuk N.A. *K istorii ekonomiki Ol'vii — istoriografiya problemy* [On the History of the Economy of Olbia. Historiography] // *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny*. 2015. Issue 1 (14). P. 394–413.
- Greco E. *Introduzione // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma: Donzelli Editore, 1999. P. VII–XV.
- Greco E., Osanna M. *Atene // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma: Donzelli Editore, 1999. P. 161–183.
- Hansen H. *Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. New York: Oxford University Press, 2006. 246 p.
- Hölscher T. *Urban Spaces and Central Places. The Greek World // Classical Archaeology* / Ed. by S.E. Alcock, R. Osborne. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 164–181. (Blackwell Studies in Global Archaeology, 10).
- Köiv M. *Urbanisation and Political Community in Early Greece // Alter Orient und Altes Testament*. Band 390 (2). Münster: Ugarit-Verlag, 2013. P. 149–208.
- Lang F. *House — Community — Settlement: The New Concept of Living in Archaic Greece // Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond*. Vol. 15. Athens: British School at Athens, 2007. P. 183–193.
- Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 464 p.

Makarova E.E. *Metapont — klassicheskiy obrazets urbanisticheskoy organizatsii polisa* [Metaponto as a Classic Example of the Polis Urban Organization] // *Gorod v Antichnosti i Srednevekov'ye: obshcheevropeyskiy kontekst. Doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 1000-letiyu g. Yaroslavl'ya* [The City in Antiquity and the Middle Ages: Pan-European Context. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 1000th Anniversary of Yaroslavl'] / Ed. by V.V. Dementeva. Part II. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet imeni P.G. Demidova, 2010. P. 9–14.

Medovichev A.E. *Polis, demos i demokratiya v zarubezhnoy istoriografii kontsa XX — nachala XXI v.* [Polis, Demos, and Democracy in Foreign Historiography of the Late 20th and Early 21st Centuries] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Series 5. Istoriya: informatsionno-analiticheskiy zhurnal.* 2019. N 3. P. 6–20.

Morris I. *The Growth of Greek Cities in the First Millennium BC // Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches* / Ed. by G.R. Storey. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2006. P. 27–52.

Nevett L.C., Tsigarida E.B., Archibald Z.H., Stone D.L., Ault B.A., Akamatis N., Valdambriani C. *Constructing the Urban Profile of an Ancient Greek City: Evidence from the Olynthos Project // The Annual of the British School at Athens.* 2020. Vol. 115. P. 329–378.

Osborne R. *Urban Sprawl: What is Urbanization and Why Does It Matter? // Mediterranean Urbanization 800–600 BC.* New York: Oxford University Press, 2005. P. 1–17.

Polignac F. *Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization 800–600 BC.* New York: Oxford University Press, 2005. P. 45–71.

Revision of World Urbanization Prospects–2018. — URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html>

Sakellariou M. *Upadok i vozrozhdenie (1100–700 gg. do n.e.)* [Decline and Revival (1100–700 B.C.)] // *Istoriya chelovechestva. Vol. 2. III tysyacheletie do n.e. — VII vek do n.e.* [History of Humanity. Vol. 2. From the Third Millennium to the 7th Century B.C.] / Ed. by A.H. Dani, J.-P. Mohen. Moscow: UNESCO; Magistr-press, 2003. P. 163–171.

Sardo P.L. *Verso il canone della Polis // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane.* Roma: Donzelli Editore, 1999. P. 83–97.

Shepko L.G. *Smyslovaya nagruzka ponyatiya "polis" v proizvedeniyakh drevnikh grekov* [The Semantics of the Concept of Polis in the Works of the Ancient Greeks] // *Iseum. Sbornik statey, posvyashchennykh istorii, religii i kulture Drevnego mira* [Iseum. Collected papers dedicated to the History, Religion, and Culture of the Ancient World] / Ed. by S.V. Arkhipova, L.L. Selivanova. Moscow: GPIB, 2012. P. 20–29.

Smith M.E. *Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // Journal of Planning History.* 2007. Vol. 6. N 1. P. 3–47.

Thaler U. *Constructing and Reconstructing Power: The Palace of Pylos // Constructing Power — Architecture, Ideology and Social Practice.* Münster: LIT, 2006. P. 93–117.

Tumans H. *O meste goroda v sisteme polisnykh tsennostey* [On the City in the System of Polis Values] // *Mnemon.* Issue 8. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2009. P. 19–48.

Vlassopoulos K. *Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. 288 p.

Weber M. *Istoriya khozyaystva. Gorod* [The History of Economy. The City] / Ed. by I. Grevs; comm. upon N. Sarkitov, G. Kuchkov. Moscow: KANON-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2001. 576 p.

Zaborova E.N. *Fenomen goroda s tochki zreniya teorii sotsial'nogo prostranstva* [The Phenomenon of the City from the Point of View of Social Space Theory] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Sotsial'no-gumanitarnye nauki". 2006. Issue 2 (57). P. 188–195.

Zuchriegel G. *Colonisation and Hybridity in Herakleia and Its Hinterland (Southern Italy), 5th–3rd Centuries BC* // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 2016. Vol. 128. N 1.

Zuiderhoek A. *The Ancient City*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 225 p.

Поступила в редакцию
3 августа 2023 г.